

С. А. ЭКШТУТ

ИСПОВЕДЬ БЮРОКРАТА

Опыт осмысления впервые опубликованной обширной мемуарной книги «Пережитое», автор которой Анатолий Николаевич Куломзин (1838–1923), полвека проводивший на государственной службе, занимал высшие посты в Российской Империи.

Ключевые слова: *бюрократия, дворянство, чиновничество, крепостное право, социальная мобильность, политическая организация общества, мемуаристика, Николай II, историческая альтернатива, Великая русская революция*

Анатолий Николаевич Куломзин (1838–1923) был бюрократом такого крупного калибра, который лишь изредка встречался в истории государства Российского. Долгие годы этот политический зубр, ровно пятьдесят лет проводивший на государственной службе, занимал высшие посты в Империи: руководил канцелярией Комитета министров, а в конце своего служебного поприща, с 15 июля 1915 г. по 1 января 1917 г., был председателем Государственного совета. Он не понаслышке знал не только парадные залы, но и «политическую кухню» высших органов государственной власти и поделился своим опытом на страницах воспоминаний. Без его объемной, впервые опубликованной «Политической энциклопедией» 1038-страничной книги «Пережитое», сложно представить труды и дни административного Олимпа за последние полвека Петербургского или Императорского периода истории России¹.

Книга вынуждает пересмотреть расхожие представления о бюрократах, бюрократизме и методах их работы. Якобы бюрократ – это всегда влиятельный человек и очень крупный чиновник; кабинетный работник, начисто лишенный инициативы, погрязший в официальных бумагах и не знающий реальную жизнь; педант, формалист, волокитчик. Анатолий Николаевич был не таким. Только в 1896 г. действительный тайный советник и гофмейстер Двора Его Императорского Величества Куломзин, определявший направления переселенческой политики Империи, был командирован в Сибирь: «Всего, проездив 3 месяца, я сделал, не считая железной дороги, 2200 верст водными путями и 5000 верст грунтовыми дорогами и лично опросил переселенцев 135 поселков. В приложении к своему всеподданнейшему отчету по этой поездке я указал на 76 поселков, где предстоит в ближайшем будущем соорудить церкви, по

¹ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / Сост, вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 1038 с. (Далее ссылки на это издание приводятся в скобках в основном тексте). Пользуюсь случаем, чтобы отметить высокий профессионализм д.и.н. К.А. Соловьева, проявленный при подготовке этого тщательно фундированного издания.

удаленности этих поселков от существующих церквей, и 188 поселков, нуждающихся, по числу в них детей школьного возраста, в основании школ» (с. 651). Побольше бы России таких бюрократов.

А.Н. Куломзин происходил из дворянского рода, предположительно – мордовского происхождения, чье родословное древо уходит корнями в середину XVI в. Устойчивое словосочетание «дворянское гнездо» не было для Куломзина пустой метафорой: он родился в большом родовом имении – в селе Корнилово Кинешемского уезда Костромской губернии, которым более 300 лет владели его предки (с. 6). Куломзин был богат, прекрасно образован, умен, наблюдателен и независим. Если и испытывал в жизни страх, то только «к видимым знакам казенной неволи» (с. 133). Он был истинным аристократом, если понимать это слово в том смысле, что вкладывал в него Константин Лёвин, герой романа Л. Толстого «Анна Каренина». Напомним читателю главу XVII второй части романа. Стива Облонский в разговоре с Лёвиным отметил «совершенный аристократизм и будущее положение в свете» графа Алексея Вронского. Лёвин возразил ему очень резко. «Ты считаешь Вронского аристократом, но я нет. Человек, отец которого вылез из ничего пронырством, мать которого бог знает с кем не была в связи... Нет, уж извини, но я считаю аристократом себя и людей, подобных мне, которые в прошедшем могут указать на три-четыре честные поколения семей, находившихся на высшей степени образования (дарованье и ум – это другое дело), и которые никогда ни перед кем не подличали, никогда ни в ком не нуждались, как жили мой отец, мой дед. И я знаю много таких. ...Мы аристократы, а не те, которые могут существовать только подачками от сильных мира сего и кого купить можно за двугривенный».

И сам Куломзин, и его отец, отставной офицер лейб-гвардии Финляндского полка, были людьми с университетским образованием, которым в те поры могли похвастаться лишь немногие представители благородного сословия. В 1858 г. Анатолий Николаевич окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата, но быстро понял, что происходившие из духовного звания профессора, «по большей части из семинаристов», были не в состоянии обогатить своих питомцев «положительными знаниями» (с. 45, 69). И, не находя свое образование оконченным, не стал спешить с определением на государственную службу, а решил продолжить учебу. «Меня чинопроизводство не манило, и более всего, я дорожил свободой» (с. 73). Слушал лекции в Лейпцигском и Гейдельбергском университетах, изучал на практике финансовую систему и банковское дело во Франции, Бельгии, Англии, Шотландии и Германии. В Лондоне не побоялся навестить А.И. Герцена. «Пробывать в Англии и не побывать у Герцена считалось невозможным» (с. 97). Но, резонно опасаясь за свое будущее и не желая попасть в составляемые III Отделением списки неблагонадежных, не стал продолжать знакомство

с политическим эмигрантом. Слушал лекции в Оксфорде и быстро усвоил его главное начало – «не забивание головы схоластическим преподаванием, а развитие самостоятельного ума и характера» (с. 109).

В соответствии с этим принципом лишь через четыре года после окончания университета он поступил на службу в МВД и спустя два года был переведен в Государственную канцелярию. Так начался его стремительный подъем по ступеням служебной лестницы: имея невысокий гражданский чин коллежского секретаря (X класса Табели о рангах), Куломзин занял должность, причисленную к VI классу, т.е. на четыре ступени выше имевшегося у него чина. (Поясню для наглядности на примере военных чинов: X класс – в то время штабс-капитан, а должность VI класса – полковничья!) Он быстро повышался в чинах и в 30 лет был назначен исполнять должность начальника отделения канцелярии Комитета министров. Это было начало эпохи Великих реформ и перед Куломзиным открылось широчайшее поле деятельности. В 1865 г. он женился на Екатерине Дмитриевне Замятниной, дочери министра юстиции и владелице 3,5 тыс. десятин земли в Новгородской губернии. Этот брак, без сомнения, способствовал упрочению успешно начатой карьеры. Впрочем, и здесь Куломзин остался верен себе. Будущий тесть захотел выхлопотать ему к свадьбе звание камер-юнкера, чтобы зять венчался в роскошном, богато вышитом золотом придворном мундире. «Я сказал, что если это случится, то я откажусь от женитьбы. Я твердо решил не иметь на совести какого-либо упрека, что я будто бы женился для протекции...» (с. 217). Куломзин дослужился до чина действительного тайного советника, имел звание статс-секретаря Его Величества и все высшие российские знаки отличия до ордена Андрея Первозванного включительно.

Куломзин обладал самостоятельным и цепким взглядом, позволявшим ему под неожиданным ракурсом смотреть на привычные вещи. Его воспоминания содержат ряд выразительных и говорящих подробностей, о которых умалчивают другие современники. Былое предстает в мемуарах пластичным, сочным, отчетливым и объемным. Именно этим и интересна книга «Пережитое». Мы можем внести существенные коррективы в устоявшиеся и обросшие исследовательской литературой суждения. Перелистаем пухлый том и убедимся в справедливости этого утверждения.

В течение трех лет Куломзин был мировым посредником по Кинешемскому уезду и участвовал в реализации Положений 19 февраля 1861 года, разрешая противоречия между помещиками и их бывшими крепостными. Он искренне приветствовал отмену крепостного права, но его взгляд на экономическую сферу жизни общества и крепостническую систему ведения хозяйства резко отличался от ходульных представлений тех, кто привык лишь обличать «позорное и постыдное» прошлое и видеть в крепостном праве только безусловное зло и источник народной нищеты. Бедность иных крестьянских хозяйств объяснялась отнюдь не

непомерным аппетитом помещика, неуклонно повышающего степень эксплуатации своих крепостных, их разоряющего и доводящего до беды. Куломзин спорит с расхожими вульгарно социологическими представлениями о сложных явлениях и процессах.

«Помещик в беде помогал неминуемо, ибо сам нуждался в поддержании рабочей силы крестьянина. ...Бедность крестьян в то время в хорошо управляемых имениях большой частью была последствием беспробудной апатии или лености, так как в случае несчастья, как то: падежа коровы, лошади, пожара, в интересах помещика всегда было поддержать мало-мальски порядочного крестьянина. Корова или лошадь давались с барского двора. Для возобновления сгоревшего двора отпускался лес без особого счета, ибо он был нипочем, и прощался оброк». Если же молодой и здоровый крестьянин не желал работать в полную силу, ленился, пьянствовал и воровал у односельчан, то помещик старался избавиться от него во время очередного рекрутского набора, сдавая лентяя и потенциального преступника в солдаты. Вот почему, проницательно замечает Куломзин, в пореформенной деревне заметно возросла преступность. «Просто клапан, удаляющий из деревни все не старые преступные элементы, не оказывал более своего благодетельного действия» (с. 160).

Однако помогать в беде своему крепостному мог лишь состоятельный помещик, чего нельзя сказать о мелкопоместном дворянине, который сам едва сводил концы с концами. «К тому же лица эти были чрезвычайно малообразованны, по уровню мало отличались от своих крестьян, разве только по платью и некоторой весьма поверхностной грамотности. Свообразной буколичностью отличалась в то время жизнь некоторых мелкопоместных дворян. Помещицы нередко жили со своими кучерами и т.д. Но особенной известностью пользовались в уезде два брата, старые холостяки, которые держали у себя нескольких девиц, взятых ими из семей немногочисленных их крестьян. Эти девицы в виде ткачих были помещены в ткацкие светелки, и сами помещики приживали с ними детей, умножая таким способом число своих подданных, и не только этого не скрывали, но сами хвастались этим изобретением» (с. 189).

После чтения этих воспоминаний наши представления о крепостном праве приобретают большую конкретность, наглядность и красочность.

Русская Смута не была для него неожиданностью. Главную вину за русский бунт – бессмысленный и беспощадный – сановник возлагает не на пламенных революционеров, не на всегда и всем недовольную русскую интеллигенцию, не на козни врагов России, а на само правительство. «Действительно, если свести к одному знаменателю, сосредоточить в одном фокусе причины переживаемой нами в настоящую минуту смуты, то нужно согласиться... что корень этого зла лежит в том, что за многие годы правительство не произвело в стране производительных затрат. Оно кормило население самым развращающим образом во время голодо-

вок, т.е. раздавало деньги и хлеб без разбора нуждающимся и ненуждающимся, а в промежутках между голодами не давало денег ни на просвещение народа, ни на развитие у крестьян травосеяния, ни на другие меры, которые могли бы послужить к возвышению их культуры. Приобретение для них земли шло черепашным шагом, не было духа, оживляющего действия правительства к удовлетворению народных нужд» (с. 881). Но почему действия правительства были столь бездарны? Потому, что высшие посты в коронной администрации занимали неталантливые люди.

Куломзин, сам сделавший блестящую карьеру и отлично изучивший на практике «пружины нашего бывшего бюрократического строя» (с. 403), не испытывал иллюзий относительно жизнестойкости существовавшей в его время системы выдвижения кандидатов на занятие высших государственных должностей. Отбирались и назначались отнюдь не самые достойные. «Выработался человек умный, знающий, честный и порядочный, и держат его на второстепенных должностях, а в министры проходят неспособные ставленники камарильи» (с. 341).

Один из его сослуживцев Евгений Эпафродитович Картавец, крупный экономист и банкир, стал жертвой сложной министерской интриги и был вынужден покинуть государственную службу. Куломзин, изложив все перипетии аппаратных козней, направленных против даровитого чиновника, прекрасно разбиравшегося в банковском деле и ряд лет стоявшего во главе Крестьянского поземельного банка, приходит к нелицеприятному заключению. Судьба этого незаурядного человека «представляет собой пример гнилости нашего строя» (с. 295). Мемуарист сознательно акцентирует внимание читателя на любопытной детали. Картавец, отставленный со службы царским указом, в течение тридцати лет своей вынужденной отставки ни разу не позволил себе «нареканий на личность монарха, введенного в заблуждение своим министром». Сам Куломзин был человеком иного темперамента. Он не побоялся зафиксировать в воспоминаниях горький упрек, адресованный и лично монарху, и существующему строю: «Людей с такой преданностью Престолу вышвыривают из службы» (с. 296). Если монарх «склонен доверять наветам, критике и сплетням» (с. 495) и позволяет, чтобы камарилья так обходилась с его преданными слугами, то в критической ситуации он не сможет удержать власть в своих руках. «Вот человек, который погубит Россию», – такие вещи слова в самом начале нового царствования произнес князь Георгий Дмитриевич Шервашидзе, обер-гофмейстер вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Мемуарист зафиксировал эту фразу и уже после Февральской революции подвел неутешительный итог: «Увы, пророчество князя Шервашидзе сбылось!» (с. 902).

Личность последнего российского государя вызывала нескрываемую антипатию сановника. Николай II – это «человек неискренний, безвольный, как тростник, ветром колеблемый, постоянно искавший новых

людей, рекомендуемых придворными интриганам, великими князьями, случайными собеседниками, при полном неумении лично разбираться в представляемых ему людях» (с. 502). Их неприязнь была взаимной. Царь не скрывал своего нерасположения к Куломзину, и Анатолий Николаевич прекрасно понимал причину такого к себе отношения. «Может быть, я никогда не мог приобрести достаточного авторитета в глазах государя потому именно, что я никогда ни о ком не говорил дурно, никогда не интриговал, с особо помпезными проектами для упрочения благосостояния России не выступал. И, в особенности, не надоедал частыми докладами, хотя я имел к тому достаточные поводы» (с. 898).

За своим личным весьма относительным неуспехом и единичными служебными неудачами своих талантливых знакомых Куломзин сумел разглядеть системный кризис Российской империи и не побоялся сделать радикальный вывод. «Таков был режим: человек громадной эрудиции, кристаллической чистоты, большого опыта и ума оставался в тени потому, что не хотел жонглировать, интриговать соваться – выдвигались всякие ничтожества» (с. 720). Когда такой решительный вывод делает политический зубр, то режим, действительно, обречен.

Судьба самого Куломзина сложилась относительно благополучно. После Февральской революции он не привлекался к ответственности Временным правительством, в августе или сентябре 1918 года перебрался из Петрограда в Киев, затем эмигрировал во Францию, где и скончался в 1923-м. Мы же, разбираясь в причинах возникновения Великой русской революции, отныне, после выхода в свет книги «Пережитое», не сможем игнорировать свидетельские показания господина действительного тайного советника, еще сто лет тому назад давшего свой вариант ответа на извечный русский вопрос «Кто виноват?». И этого более чем достаточно, чтобы имя Куломзина сохранилось на страницах Истории.

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; semenekshtut54@gmail.com

A confession of a bureaucrat

The article presents an analysis of a recently published memoirs “The Experienced” by Anatoly Nikolaevich Kulomzin (1838–1923) who spent half a century in state civil service and occupied the highest positions in the hierarchy of the Russian Empire: he was the head of the chancellery of the Cabinet of Ministers, and, by the end of his career, from 15 July 1915 to 1 January 1917, was the Chair of the State Council.

Keywords: bureaucracy, nobility, state officials, serfdom, social mobility, political organization of a society, memoirs, Nicholas II, historical alternative, Great Russian revolution

Semen Ekshtut, Dr.Sc. (Philosophy), leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; semenekshtut54@gmail.com